

В.Б. Антонович

Колдовство

Документы, процессы, исследования

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Б. Антонович**
Колдовство: Документы, процессы, исследования / В.Б. Антонович – М.: Книга по Требованию, 2014. – 140 с.

ISBN 978-5-458-52246-5

П. Чубинский про исследование : "Нижеследующее исследование профессора В. Б. Антоновича и приложенные к нему акты, извлеченные из книг городских и магистратских судов Юго-Западного края (территория современной Украины), дают обильный материал для характеристики поверий и суеверий населения здешнего края. Вообще, упомянутые процессы могут служить богатым материалом для характеристики народных верований, предлагая, в тоже время, материал историко-юридический, так как они выражают отношение суда к процессам о колдовстве, а также характеризуют судопроизводство, в особенности судебные доказательства."

ISBN 978-5-458-52246-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

При пересмотрѣ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центрального Архива, нерѣдко попадались мнѣ документы, относящіеся къ процессамъ, возбужденнымъ по поводу подозрѣній разныхъ лицъ въ чародѣйствѣ. Перечитывая внимательно документы, я, помимо предвзятаго ожиданія, не нашелъ въ нихъ ничего аналогическаго съ тѣми процессами, которые возникали въ Западной Европѣ до конца прошлаго столѣтія. Тотъ жестокій характеръ, какой приняли на Западѣ процессы о колдовствѣ, предавшіе пламени тысячи невинныхъ, болѣзненныхъ или умопомѣшанныхъ жертвъ, выработался вслѣдствіе распространившейся во всемъ обществѣ и цутившей глубокіе корни въ общественномъ сознаніи вѣры въ непосредственное участіе злого духа во всѣхъ, даже мельчайшихъ, отправленіяхъ человеческой жизни. Демонологія въ продолженіе многихъ столѣтій занимала воображеніе людей и обогащалась самыми разнородными понятіями, почерпнутыми и изъ старыхъ культовъ передне-Азіатскихъ и классическихъ народовъ, и изъ младепческихъ вѣрованій и несложившихся еще миеологическихъ представленій полудикихъ народовъ, населявшихъ континентъ Европы. Понятіе о зломъ духѣ, основанное на старомъ Еврейскомъ преданіи, видоизмѣнялось постепенно подѣ вліяніемъ сосѣднихъ культовъ и, главнымъ образомъ, подѣ вліяніемъ Зендскаго дуализма, проникавшаго въ христіанскій міръ путемъ ересей (въ родѣ Манихейства), возникавшихъ на восточной его окраинѣ. Персональ царства темной силы умножался до безконечности зачисляемыми въ сонмъ злыхъ духовъ божествами, сломанныхъ христіанствомъ языческихъ миеологій, пока, наконецъ, подѣ вліяніемъ средневѣковыхъ политическихъ понятій, онъ предсталъ встревоженному воображенію современниковъ въ видѣ грозной, правильно организованной по феодальному строю, расположенной по всѣмъ ступенямъ ленной іерархіи, незримой, но вездѣ сущей, адской монархіи. Опасность отъ нападеній подданныхъ этой монархіи и повседневная борьба съ нею—это главная забота средневѣковаго человѣка. Всякое проявленіе непонятное, необъяснимое, странное или рѣдко встрѣчаемое, хотя бы невинное, приписывается

злому духу. При слабомъ развитіи реальныхъ познаній, чортъ составляетъ гипотетическую причину всѣхъ явленій, необъясненныхъ строгимъ изслѣдованіемъ и научною критикою. „Физическія неудачи, нравственныя страданія, поврежденіе собственности, таинственныя излѣченія, переменныя погоды и т. п. приписываются чорту“ *). Въ видахъ самосохраненія люди стараются угадать средства, которыми дѣйствуетъ злой духъ, и разрушить ихъ. Но злой духъ—незримый и ускользаетъ отъ изслѣдованія чувствъ человѣческихъ; потому вступить съ нимъ непосредственно въ борьбу—невозможно; за то вполне доступны его слуги, т. е. тѣ лица, которыя, по мнѣнію встревоженнаго общества, вошли въ сдѣлку съ злымъ духомъ, признали себя его вассалами, и при посредствѣ которыхъ проявляется, главнымъ образомъ, его сила на землѣ. Все общество стремится, въ видахъ сохраненія собственной безопасности, отереть признаки, по которымъ можно бы было опредѣлить слугъ злого духа, обличить ихъ дѣйствія и истребить ихъ. Въ началѣ XIII столѣтія начинается интенсивное розысканіе и преслѣдованіе колдуновъ и чародѣевъ. Духовенство признаетъ своею прямою обязанностью руководство подобнаго рода усиліями и становится во главѣ всеобщаго стремленія,—начинается длинный рядъ многочисленныхъ недоразумѣній, которыя постепенно слагаются въ юридическія формы. Наконецъ, извѣстный фанатическимъ настроеніемъ папа Иннокентій VIII, буллою „*Summis desiderantes*“ (5 декабря 1484) предписываетъ инквизиціи заняться истребленіемъ чародѣевъ и возводитъ въ обязательную дѣятельность членовъ всей церковной іерархіи преслѣдованіе колдуновъ. Въ буллѣ подробно перечислены всѣ опасности, которымъ подвергаются люди отъ дѣйствій злого духа и его клеветовъ, и указано на необходимость принять мѣры противъ возрастающей силы ада. Такимъ образомъ, по остроумному замѣчанію Нѣмецкаго писателя, „Иннокентій VIII, гонитель Гусситовъ и Вальденсовъ, отецъ семи незаконнорожденныхъ дѣтей, былъ отцомъ и этого восьмого незаконнаго потомка, пережившаго, къ несчастію, на нѣсколько столѣтій своихъ братьевъ **).

Вслѣдъ за изданіемъ папской буллы, въ 1487 г., предсѣдатель инквизиціоннаго суда въ при-Рейнскихъ провинціяхъ, Яковъ Шпрентеръ, свелъ въ одинъ кодексъ всѣ, до того времени разсѣянныя и бродившія въ ви-

---

*) Gustav Roskoff. „Geschichte des Teufels“, 1.

***) Soldan, „Geschichte der Hexenprocesse“, стр. 213.—Для характеристики Иннокентія VIII, авторъ приводитъ современную каламбуръ-эпиграмму, представляющую слѣдующее двустипхіе:

Octo nocens pue. genuit totidem pyellas:
Hunc merito poterit dicere Roma patrem.

дѣ спорадическихъ данныхъ, извѣстія какъ о признакахъ, по которымъ можно узнать чародѣевъ, такъ и о предположавшихся ихъ дѣйствіяхъ, сношеніяхъ съ злымъ духомъ, обязательствахъ и т. д. Въ заключеніе Шпренгеръ начертилъ весь ходъ юридическаго процесса, весь ритуаль пріемовъ испытаній, разслѣдованій, пытокъ и казней, который долженъ былъ примѣняться къ лицамъ обвиненнымъ въ колдовствѣ. Сочиненіе Шпренгера, — знаменитый *Malleus maleficarum* сдѣлался подручною книгою инквизиціонныхъ судовъ: въ немъ были указаны и предполагаемыя, искомыя въ процессѣ, преступленія; съ малѣйшими подробностями передавались способы составленія „пакта“, заключаемаго съ чортомъ, обстановка празднества „саббата“, условія сношеній съ инкубами и суккубами и т. д., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлялось вѣрное средство добиться признанія обвиненныхъ во всѣхъ вводимыхъ обвиненіяхъ, — пытка, и, наконецъ, помѣщенъ былъ ритуаль неминуемаго во всѣхъ почти процессахъ финала — *auto-da-fé*.

Костры запылали во всей Западной Европѣ, усердно раздуваемые фанатизмомъ инквизиторовъ и суевѣрною публикой, и пламя ихъ, нѣсколько лишь ослабѣвшее подъ вліяніемъ реформациі, потухло только въ исходѣ XVIII столѣтія, подъ давленіемъ широко развившагося на новыхъ началахъ положительной критики европейскаго просвѣщенія.

Но почти до исхода XVIII столѣтія, законоположенія, опредѣлявшія за колдовство смертную казнь черезъ сожженіе, были въ полной силѣ во всей Европѣ. Въ уголовномъ кодексѣ, изданномъ Іосифомъ I для Чехіи, Моравіи и Силезіи въ 1707 году, нѣсколько параграфовъ посвящены опредѣленію сущности преступленія чародѣйства, а также мѣропріятіямъ, необходимымъ для его истребленія, — костеръ указанъ, какъ необходимая казнь виновныхъ. Постановленія эти отмѣнены были только Марією Терезією въ 1766 году. Во Франціи еще въ 1718 году парламентъ города Бордо приговорилъ къ сожженію лицо, обвиненное въ чародѣйствѣ. Въ Испаніи послѣднее сожженіе чаровницы происходило въ Севильѣ, въ 1781 г., хотя процессы о колдовствѣ и аресты по поводу этого обвиненія встрѣчаются еще въ 1804 году. Послѣдній приговоръ о сожженіи чаровницы въ Швейцаріи подписанъ былъ въ Глярусѣ въ 1782 году. Наконецъ сожиганіе чаровницъ долѣе всего продолжалось въ Польшѣ: въ окрестности Познани, по приговору магистратскаго суда, сожжена была женщина, заподозрѣнная въ колдовствѣ, въ 1793 году, въ то уже время, когда Прусская комиссія находилась въ Познани и

принимала во владѣніе эту область *). Около того же времени, въ окрестности Кракова, по приговору помѣщичьяго суда, сожжено было 14 женщинъ, заподозрѣнныхъ помѣщикомъ въ причиненіи болѣзни его женѣ посредствомъ чародѣйства **).

На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ можно было бы полагать, что тоже отношеніе къ чародѣйству существовало въ Южной Руси, находившейся въ теченіи почти трехъ столѣтій подъ непосредственнымъ вліяніемъ Польши и совершенно подчинившейся послѣдней въ отношеніи юридическомъ, заимствовавшей изъ Польскаго государственнаго склада и порядковъ судопроизводства, и основныя юридическія понятія, и множество отдѣльныхъ законоположеній, вошедшихъ въ обязательное законодательство края, какъ при передѣлкахъ редакцій Литовскаго статута и при дополненіяхъ его сеймовыми постановленіями, такъ и при устройствѣ городского распорядка, на основаніи перешедшаго черезъ Польскую редакцію Саксонскаго права. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается, что фанатическій взглядъ на чародѣйство и примѣненіе къ нему всѣхъ послѣдствій выработаннаго инквизиціонными судами процесса не переходили этнографической границы, до которой простирались католическое народонаселеніе Речи-Посполитой. Хотя существовавшая въ Польшѣ съ XIV вѣка „Святая инквизиція“ имѣла право суда и въ Русскихъ областяхъ Речи-Посполитой, по мѣрѣ присоединенія ихъ къ Польшѣ ***), примѣръ чему, по отношенію къ чародѣйству, мы видимъ въ одномъ изъ приложенныхъ актовъ (см. №№ 51, 53), хотя въ Магдебургскомъ правѣ, которымъ управлялись Южно-Русскіе города, и положены были строгія наказанія за чародѣйство ****); тѣмъ не менѣе, на практикѣ эти строгія законоположенія не находили почти примѣненія.

---

*) Soldan, стр. 457—478.

***) Adrian Krzyżanowski. «Dawna Polska».

***) [Постановленіемъ 1555 года суду инквизиціи подчинены были только лица недворянскаго происхожденія] (Moraczewski. «Starożytności Polskie». I, стр. 407.

****) Въ четвертой части городского устава мы находимъ слѣдующую статью: „Ренегать, отрекшійся отъ христіанской вѣры, долженъ быть сожженъ. Также казнь назначается и для чародѣевъ“ („Porządek sądow miejskich“, Krakow, 1629, ч. IV, стр. 221—222). Еще болѣе обстоятельныя законоположенія о чародѣйствѣ находимъ въ дополненіяхъ, вошедшихъ въ обязательный кодексъ Магдебургскаго права, заимствованныхъ изъ кодекса Карла V; въ дополненіяхъ этихъ мы находимъ слѣдующія постановленія о колдовствѣ: Статья XIV: „Если бы оказалось, что кто либо училъ чародѣйству другое лицо, или угрожалъ кому либо колдовствомъ, а потомъ привлеклось бы дѣйствительно несчастье тому, противъ котораго была произнесена угроза, равно если бы на кого либо пало подозрѣніе въ чародѣйствѣ, вслѣдствіе его словъ, обычаевъ, внѣшняго вида и другихъ обстоятельствъ, свойственныхъ колдунамъ, то, въ силу установившейся молвы, такое лицо должно быть обвинено передъ судомъ, и если признаки чародѣйства ока-

Въ числѣ почти ста дѣлъ, встрѣчавшихся мнѣ среди актовъ XVIII столѣтія, нигдѣ не примѣняется строгость взгляда Германскаго уложенія и инквизиторскихъ кодексовъ; среди всѣхъ дѣлъ, возбужденныхъ о чародѣйствѣ, никогда ни городскіе, ни магистратскіе суды не помышляютъ о наказаніи виновныхъ сожженіемъ и, по большей части, не даютъ процессамъ даже значенія уголовного иска. Обыкновенно уплатою штрафа въ пользу церкви, церковною эпитеміею, или очистительною присягою отдѣляются обвиненные отъ взводимаго на нихъ подозрѣнія. Среди немногочисленныхъ примѣровъ болѣе тяжелыхъ наказаній, почти всегда исключенія приходятся въ тѣхъ случаяхъ, когда истцемъ противъ чародѣя является лицо дворянскаго званія. Помимо необходимости усилить наказаніе, въ виду сохраненія гарантій безопасности привилегированнаго сословія, въ этихъ случаяхъ дѣйствовала еще и другая причина—разница въ основномъ взглядѣ дворянъ и народа на причину чародѣйства.

Причина относительной мягкости судебныхъ приговоровъ всѣхъ судовъ, въ особенности магистратскихъ, лежала не столько въ гуманномъ настроеніи судей, сколько въ отсутствіи тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызвали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ. Допускаемая возможность чародѣйнаго, таинственнаго вліянія на бытовья, повседневныя обстоятельства жизни, народный взглядъ не искалъ начала этихъ вліяній въ сношеніяхъ со злымъ духомъ; демонологія не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но, до самаго конца XVIII столѣтія, на сколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народный взглядъ на чародѣйство былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть, или узнать ихъ. Само по себѣ, обладаніе тайною природы не представлялось, такимъ образомъ, дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи. Если поднимался искъ, то судьи не преслѣдовали обвиняемаго за самый фактъ обладанія, или упо-

---

жуются на немъ, оно должно подвергнуться пытке“ (тамъ же дополненія, стр. 19—20). Статья XXII. „Во время пытки чернокнижникъ и чародѣя, должно допрашивать обо всѣхъ обстоятельствахъ его преступленія: какия онъ употреблялъ средства, какимъ образомъ и въ какое время, какия при этомъ онъ произносилъ слова, или совершалъ дѣйствія? затѣмъ слѣдуетъ допросить у кого онъ учился чародѣйству, или какимъ образомъ усвоилъ его приемы, сколько разъ прибѣгалъ въ нему, и какое бѣдствіе и кому причинилъ?“

требленія таинственнаго средства, а старались опредѣлить, употреблено ли оно было въ пользу, или во вредъ другому лицу? и только во второмъ случаѣ, разсматривая дѣло съ точки зрѣнія гражданского иска, соразмѣряли наказаніе со степенью причиненнаго вреда. Западныя понятія объ отношеніи злого духа къ колдовству вовсе не проникали въ сознаніе народныхъ массъ Южно-Русскаго народа до самого исхода XVIII столѣтія, и только въ рѣдкихъ случаяхъ заимствовались, путемъ книжнымъ, лицами, принадлежавшими къ болѣе просвѣщеннымъ сословіямъ: дворянами и духовными. Если такое лицо поднимало искъ о чародѣйствѣ, то только тогда строгость законовъ примѣнялась до извѣстной степени по настоянію истца, какъ это видно изъ нижеприведенныхъ процессовъ. Впрочемъ, такіе случаи бывали весьма рѣдки. Изъ ста почти документовъ, относящихся къ процессамъ о колдовствѣ, только въ пяти упомянуто имя „чорта“, и только въ одномъ случаѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются дворяне, вліянію злого духа приписывается довольно серьезное значеніе. Въ остальныхъ случаяхъ намеки на чорта являются скорѣе результатомъ пустословія и общимъ мѣстомъ, неимѣющимъ ни какого серьезнаго значенія и необращавшимъ даже на себя вниманія суда.

Вотъ перечень указанныхъ дѣлъ: Въ началѣ XVIII столѣтія въ Каменецкомъ магистратѣ разбиралось дѣло по жалобѣ тѣщаго цехмистра Петра Дерочевского, обвинявшаго нѣсколько сосѣдокъ своихъ въ томъ, что онѣ распространили слухъ, будто его жена причинила болѣзнь мастеру Костю, наставъ на него чорта. Показанія свидѣтелей, собранныхъ по этому дѣлу, указываютъ на то, что оно возникло изъ пустыхъ сплетень и случайныхъ разговоровъ, но не представляютъ указаній на то, чтобы свидѣтели сами вѣрили въ возможность сношеній Дерочевской со злымъ духомъ (см. Приложен. № 1).

Въ 1709 г. въ тотъ же магистратъ жаловалась мѣщанка Агнеса Шагиновaя на сосѣдку свою Клецкую за клевету: Клецкая оговорила ее въ чародѣйствѣ и, между прочимъ, распространила слухъ, будто Шагиновaя состоитъ въ связи съ „Лятавцемъ“ *). На судѣ Клецкая старалась оправдаться, отрицая распушенные ею же слухи: „О лятавцѣ я ничего не говорила, сказала она, и ничего объ этомъ предметѣ не знаю“ (см. № 9).

Въ 1741 году, дьячекъ Григорій Камарницій былъ обвиненъ въ Дубенскомъ магистратѣ въ обольщеніи дѣвицы Екатерины Сахнюковой. Онъ оправдался отъ вмѣняемаго ему преступленія, доказавъ alibi, и, желая

---

*) Лятавецъ—летучій злой духъ,—одно изъ суевѣрныхъ объясненій падающихъ звѣздъ

объяснить, какое обстоятельство могло подать поводъ къ обвиненію, онъ высказалъ предположеніе, что „можетъ быть, бѣсъ принялъ на себя мой видъ и въ моемъ лицѣ ходилъ къ Сахнюковой совершать грѣхъ“. Судъ не обратилъ никакого вниманія на это заявленіе (см. № 47).

Въ 1710 году въ Каменецкомъ магистратѣ разбиралась тяжба между униатскимъ священникомъ Іоанномъ Ставицеимъ и мѣщаниномъ Григоріемъ Бабиженкомъ; священникъ жаловался на то, что Бабиженко распространялъ оскорбительные слухи о немъ и о его женѣ и, между прочимъ, утверждалъ: „что пошь этотъ имѣеть въ своемъ распорженіи чорта“. Обвиненный признался въ произнесеніи произведенныхъ словъ, утверждая, что священникъ самъ подалъ къ тому поводъ, угрожая Бабиженку, будто онъ можетъ вызвать злого духа. Магистратъ не обратилъ на это обстоятельство ни какого вниманія и покончилъ дѣло миромъ, предписавъ Бабиженку извиниться передъ истцомъ (см. №№ 11 и 12).

Единственное дѣло, въ которомъ имя злого духа упоминается въ болѣе серьезномъ значеніи, записано въ книгахъ Винницкаго градскаго суда; оно производилось по обвиненію дворянки Викторіи Рябчинской въ желаніи отравить своего мужа; задумавъ отъ него избавиться, Рябчинская наняла къ себѣ въ услуженіе дворянку Костецкую и дала ей специальное порученіе прискивать средства для того, чтобы наслатъ чертей на мужа. Костецкая обращалась ко многимъ знахарямъ, но ни одинъ изъ нихъ не взялся за исполненіе порученія, не смотря на предлагаемую плату. Не желая, вѣроятно, ронять своей репутаціи признаніемъ въ этой некомпетентности, колдунны подъ разными предлогами уклонялись отъ сношенія съ чортомъ. Одна знахарка отвѣтила: „Я не могу околдовать этого человѣка, ибо онъ владѣеть чортомъ болѣе знатнымъ, чѣмъ мой“. Другой знахарь сказалъ: „Я не хочу насылатъ чертей, ибо помню, что когда мать моя наслала чорта на одну дѣвку, то чортъ убилъ и дѣвку и мать, потому я и боюсь прибѣгать къ этому средству“. Не будучи въ состояніи найти эксперта, который умѣлъ бы насылатъ чертей, Рябчинская была принуждена прибѣгнуть къ отравѣ, но Костецкая побоялась исполнить это порученіе и выдала свою госпожу, рассказавъ передъ судомъ весь ходъ дѣла (см. № 49).

Во всѣхъ остальныхъ процессахъ имя чорта вовсе не упоминается, и дѣла разсматриваются исключительно съ пантеистической точки зрѣнія, безъ всякаго участія демонологическихъ понятій. Въ подтвержденіе этой мысли, мы изложимъ содержаніе встрѣтившихся намъ процессовъ о чародѣйствѣ, причемъ сперва обратимъ вниманіе на цѣли, съ которыми колдовство

производилось, а затѣмъ на средства, употреблявшіяся для достиженія этихъ цѣлей. Употребленіе чаровницами и чаровниками таинственныхъ силъ природы, имъ однимъ вѣдомыхъ, могло служить въ пользу, или во вредъ. Всѣ факты, имѣющіеся у насъ подъ рукою, располагаются на слѣдующія группы, въ томъ или другомъ направленіи:

1) Самыя многочисленныя данныя, свидѣтельствуютъ о посягательствахъ посредствомъ чародѣйствъ на жизнь, здоровье и разумъ, а также объ излѣченіи таинственными средствами различныхъ болѣзней.

2) Другая группа фактовъ относится къ примѣненію колдовства съ цѣлью свискать, или предотвратить любовь.

3) Далѣе слѣдуютъ указанія, касающіяся причиненія пользы или вреда въ хозяйствѣ, или ремеслѣ.

4) Затѣмъ слѣдуетъ группа фактовъ, свидѣтельствующая о прибѣганіи къ чарамъ при разнообразныхъ предпріятіяхъ.

и 5) Наконецъ, пятая группа заключаетъ въ себѣ факты о колдовствѣ, которыми пользуются стороны при судебномъ процессѣ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію самыхъ фактовъ.

Понятіе о томъ, что посредствомъ чародѣйства можно было лишить здоровья и самой жизни, было распространено во всѣхъ классахъ общества, такъ, напримѣръ, въ концѣ XVII-го столѣтія въ Овручскій городскій судъ поступила жалоба дворянъ Домашевскихъ на дворянъ Ходаковскихъ о разныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, въ которой истцы, между прочимъ говорили: „не удовлетворившись всѣмъ вышепоименованнымъ, Ходаковскіе съ обдуманнѣмъ ранѣе намѣреніемъ приготовили составъ, съ цѣлью лишить истцовъ здоровья и *уморить* ихъ. Для этого они научились *докторству*, неприличному шляхетскому званію, и выжидали удобнаго времени; и дѣйствительно, въ прошломъ, 1686 году, 1-го февраля, увидѣвъ, что истецъ идетъ изъ своего дома въ гумно, приказали дочери своей, Еленѣ Ходаковской, приготовленнымъ на погибель истца составомъ облить путь около воротъ, по которому истецъ долженъ былъ проходить. Отъ дѣйствія этого яда собака, бѣжавшая впереди, опухла и околѣла* *).

Въ 1716 году, въ магистратѣ города Выжвы (на Волыни) разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанки Ломазянки мѣщанами Супрунюками въ томъ, что она таинственнымъ образомъ причиняла смерть всѣмъ лицамъ имѣвшимъ съ нею тяжбу въ судѣ, и, въ томъ числѣ, посягала на жизнь

*) „Архивъ Юго-Западной Россіи“, часть IV, т. I, стр. 232.

матери Супрунюка. Лука Супрунюкъ упрекалъ обвиняемую такъ: „Ты уже съѣла Токарика и Хильчука, а теперь принялась ѣсть мать нашу; погоди, чаровница, это даромъ не пройдетъ; хотя бы пришлось лишиться пары воловъ, мы вызовемъ палача; чтобы онъ тебя пыталъ“. Сама Супруниха прибавила на очной ставкѣ: „дѣйствительно ты свела со свѣта Токарика и Хильчука, утверждаю по истинѣ, г.г. судьи, принимая на себя отвѣтственность за свои слова, что если она съ кѣмъ-нибудь поссорится, то даромъ это не пройдетъ: и Токарикъ и Хильчувъ лишь только завели съ ней тяжбу, немедленно померли, — въ подтвержденіе не зачѣмъ свидѣтелей приводить, по истинѣ утверждаю — они умерли по ея винѣ“ (См. № 21).

Въ 1733 году, въ Овручскомъ городскомъ судѣ дворяне Ярмолинскіе обвинялись въ томъ, что они *похвалялись* публично, — посредствомъ колдовства умертвить дворянъ Верповскихъ и искоренить ихъ родъ (См. № 40).

Въ 1739 году, въ магистратѣ города Олыки разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанки Райской въ томъ, что будто она чародѣйствомъ причинила смерть сыну мѣщанки Анны Шкопелихи (См. № 44) и т. п.

Еще болѣе встрѣчаемъ примѣровъ, относящихся къ посягательству не на самую жизнь, а только на здоровье пострадавшихъ лицъ. Вслѣдствіе обще распространеннаго мнѣнія о томъ, что болѣзни могутъ быть насланы колдовствомъ, народонаселеніе склонно было искать причины каждой болѣзни не въ естественныхъ и гигиеническихъ условіяхъ, а въ таинственномъ вліяніи враговъ, или сосѣдей. Всякое дѣйствіе, сколько-нибудь эксцентрическое и не ежечасно случавшееся, хотя бы самое невинное и совершенно случайное, принималось за пріемъ чародѣйства направленный ко вреду здоровья заболѣвшаго лица, или почиталось угрозою кому-либо изъ свидѣтелей этого дѣйствія. Часто, пользуясь существованіемъ вѣрованія въ чародѣйство, стороны, состоявшія въ тяжбахъ, прибѣгали къ угрозамъ чародѣйствомъ, чтобы склонить своихъ противниковъ къ уступкамъ въ свою пользу.

Вотъ перечень фактовъ въ подтвержденіе сказанныхъ замѣчаній:

Въ 1700 году, въ Ковельскомъ магистратѣ разсматривалось дѣло по поводу жалобы мѣщанина Θεодора Андріевича на еврея Авраама Иршовича и на еврейку Пейсю о томъ, что послѣдняя поймала кота истца, занесла его въ домъ Иршовича и тамъ оскотила. Андріевичъ полагалъ, что это дѣйствіе можетъ причинить болѣзнь ему и его семейству. Иршовичъ-же объяснялся, что оскотленіе кота произведено было „не на какиа-либо чары и не со злобы къ христіанамъ, а исключительно на лѣкарство“. Ковельскій магистратъ, принявъ во вниманіе безупречное поведе-

ніе Иршовича, освободилъ его отъ отвѣтственности, подъ условіемъ, что онъ, въ сопровожденіи двухъ другихъ осѣдлыхъ евреевъ, принесетъ въ синагогѣ слѣдующую присягу по еврейскому обычаю: „что онъ оскопилъ кота не изъ злобы къ христіанамъ, но для облегченія собственной болѣзни, что онъ отрѣзанныхъ частей не мочилъ ни въ медѣ, ни въ пивѣ, ни въ водкѣ, ни въ водѣ и не поручалъ этого дѣлать ни женѣ, ни домочадцамъ своимъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, еврейка Пейся приговорена была къ эпитиміи: она должна была въ теченіи трехъ сабашевъ стоять въ притворѣ синагоги, отрѣзанныя же у кота части Иршовичъ должны были представить въ магистратъ *).

Въ 1701 году, Каменецкій мѣщанинъ, почтарь Судецъ, жаловался на Гречанку Антоніеву о томъ, что она желала причинить ему болѣзнь, посыпая порожекъ его дома какимъ-то порошкомъ. Магистратъ также освободилъ обвиняемую отъ отвѣтственности, приказавъ ей принять очистительную присягу (См. № 3).

Въ 1705 году въ Каменецкій магистратъ жаловалась мѣщанка Морская о томъ, что она находится въ опасности потерять здоровье отъ чародѣйства сосѣдки ея, Зелинской, что она видѣла Зелинскую ночью ходящею по двору обвиняющей, со свѣчкой, въ одной рубашкѣ, „босую и простоволосую“, что за тѣмъ, въ слѣдующую субботу, она, Зелинская, въ костелѣ Доминиканцевъ сломала свѣчу и „обратила ее внизъ“. Зелинская пояснила, что она ходила ночью раздѣтая, отыскивая дочь свою бѣжавшую изъ дому, что свѣчку она поставила какъ слѣдуетъ. Магистратъ не имѣлъ возможности дознаться, какъ была поставлена свѣча, но на всякій случай, приговорилъ Зелинскую къ эпитиміи, состоящей въ томъ, что она должна была втеченіе двухъ обѣдней лежать „крижемъ“ въ томъ же костелѣ Доминиканцевъ. Между тѣмъ, узнавъ о ходѣ этого дѣла, Армянинъ Богданъ Лукашевичъ заявилъ магистрату, что онъ подозрѣваетъ, что свѣча была зажжена въ обратномъ положеніи во вредъ не Морской, а женѣ его, Лукашевича, которая въ этотъ именно день очень серьезно заболѣла, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько дней передъ этимъ Зелинская произносила таинственныя угрозы его женѣ (у Лукашевича была тяжба съ Зелинскою за домъ), слѣдующими словами: не могла съ тобою сладить пани Шайновая, такъ я тебя

*) См. книгу Ковельскаго магистрата № 1451, листъ 233, и № 1452, листъ 18 на оборотѣ.